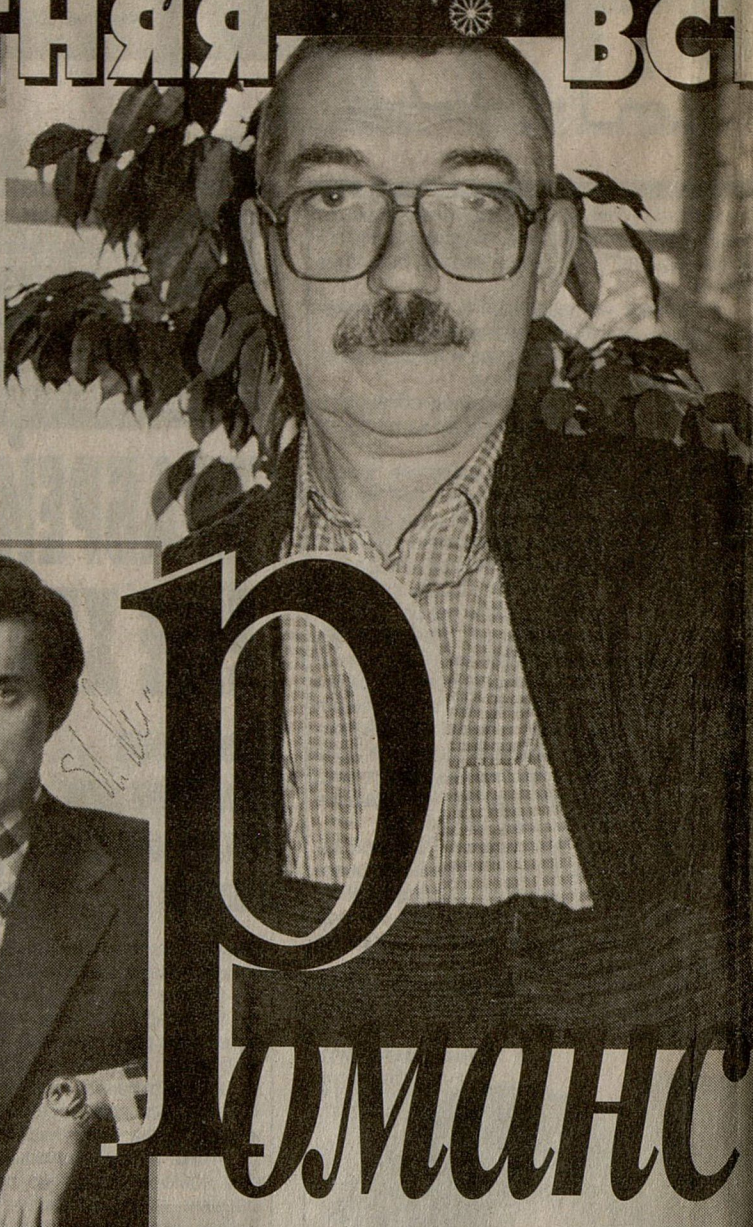

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Молодежь смотрела на него раскрыв рот. Высокий, красивый, темпераментный. Герой, одним словом. Парни пытались примерить на себя его фирменную циничную ухмылочку, девушки — забрасывали письмами. Это было давно, в 70-е... Киндинова называли баловнем судьбы, прочили блестящее будущее. Но... Насколько резким был взлет, настолько скорым стало падение. Уже в сорок лет киногерой 70-х фактически оказался списанным в утиль кинопроизводства. Сегодня исполнитель главной роли в культовом “Романсе о влюбленных” актер Евгений Киндинов по-прежнему работает во МХАТе. Тихо, незаметно. Без всплесков. О нем не судачат. Его забыли?

— Евгений Арсеньевич, куда уходят звезды?

— Я не люблю определение “звезда”. А если мы откажемся от этой терминологии, то и вопрос отпадет сам собой. Вы знаете, я профессионал, и в этой профессии, считаю, чего-то понимаю, могу отделить зерна от плевел. “Звезды” — это терминология зрителей и журналистов. В свое время Олег Даль сказал мне замечательные слова: “Терпеть не могу некоторых своих коллег, которые, отыграв большую серьезную роль в театре, еще несколько дней ходят с неким туманом в глазах. Я бы для таких, — говорит, — повесил объявление: “Уходя со сцены, не забудь выйти из образа”

— Вам не нравится слово “звезда” — пожалуйста. Есть понятие более объективное — “востребованность”.

— Ну а здесь вопрос на самом деле очень простой, и я в этом смысле не исключение. Давайте посмотрим на актеров моего поколения...

— Ну да, например, на вашего однокурсника Караченцова. Разве о нем можно сказать: пропал?

— Ах вот как. А про меня, значит, можно?

— Думаю, да.

— Во-первых, сразу скажу (Киндинов наклоняется к диктофону): я жив, дорогие друзья, я нигде не пропал. Просто так, чуть-чуть ушел в тени.

— Надолго?

— Не знаю. Это ведь не только от меня зависит. Я, например, несколько не комплекую по поводу того, что перестал мелькать в телевизоре. Виной тому и проблемы частного характера — заболевания, о котором мне сейчас не хотелось бы распространяться. Да и возраст. Тоже надо учитывать. Все мое время. А потом так скажу: я всегда был прежде всего театральным актером, им и остаюсь. А кино... Ну как сказать: повезло — есть, не повезло — нет.

— По молодости лет наверняка так не думали?

— Да, конечно. Некое упоение собой было, не скрою. Как говорят сегодня, крыша, конечно, уехала. Недаром существует присказка: пройти огонь, воду и медные трубы. И медные трубы в этом списке третьи не потому, что это самое легкое испытание, наоборот, — самое сложное. Огонь и вода попроще будут.

— Воспоминания не самые приятные?

— Больше всего жалею о своей всеядности, что ли. О том, что сыграл роли, которые сейчас даже не хотел бы вспоминать. Их редко показывают — ну и хорошо. Это в кино. А в жизни... По улицам ходить было сложно: если не откровенно пристаю и лезут с поцелуями, то тычут пальцами, показывают друг другу: вот он пошел. В ресторан вечером лучше и не заходить: или усадят за стол, или...

— Вам ведь это нравилось, правда?

— До определенного момента — да, но быстро разонравилось. Потому что это сопряжено с выяснением отношений: ах, ты к нам не подходишь — значит, не уважаешь?! Дескать, популярный артист зазнался.

— 70-е годы — пик вашей популярности. Когда вспоминаете то время, что первым приходит на ум?

— Сейчас скажу. После “Романса о влюбленных”, когда я приходил на “Мосфильм”, мне сразу говорили: “Зайдите, пожалуйста, в отдел переписки”. А там вручали целую гору писем — ну просто мешки. В основном, конечно, это были послания вроде: “давайте познакомимся”, “вышлите фотокарточку”, “пришлите автограф”. Или: “вот мой телефон”, “мои фотографии: фас и профиль”...

— А в купальнике? Или без?

— Да-да, и такое тоже. Но писали и те, кого тематика картины и судьба моего героя затронули гораздо больше, нежели желание просто познакомиться и поручиться за популярным артистом. Он уехал, она вышла за другого, или же, наоборот, — вечные проблемы, они всегда сопровождают молодежь. Спрашивали: “У меня такая же ситуация, что мне теперь делать? Жена, вы прошли через это, вы опытный, подскажите”.

— Подсказывали? Только честно.

— Писал, да. Тут ведь не отдалась авторграфом и двумя-тремя фразами типа “спасибо за внимание” — тут нужно было отвечать по существу.

■ ■ ■

— Во сколько лет вы женились?

— Ой, рано. Мы с Галей учились на одном курсе, практически сразу после окончания института нас взяли в Художественный театр — тогда и расписались.

— Ваша популярность браку не мешала?

— Наверное, мешала. Тут надо сказать спасибо Гале. Бывало, что поклонницы и у проходной театра дежурили, и у подъезда, и без конца звонили по телефону. Саше Абдулову, читал, кислотой в лицо плескали. Вот до этого, слава богу, не доходило.

— Гале, наверное, пришлось стать очень мудрой?

— Или закрывать на все глаза и меня любить.

— Было на что закрывать глаза?

— Ну вы что, хотите, чтобы наше интервью послужило поводом для семейных распри?

— Ни в коем случае.

— Ну и замечательно.

— Какой вы, однако. Глядя на ваших героев, я представлял себе эдакого прожженного циника, баловня судьбы, завсегдатя ресторанов и любимца женщин.

— Это просто я так хорошо перевоплощаюсь.

— Вы с женой работаете в одном театре. Это, считаете, хорошо или плохо?

— Да хорошо!

— А многие, знаю, с вами не согласятся.

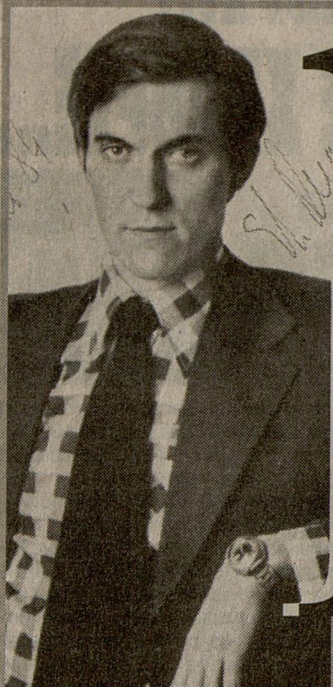
— Ну правильно. Вместе работать в одной пьесе или в одном фильме — это плохо, мешает. А тем более играть любовь с близким человеком — мои коллеги, думаю, меня поддержат — это вообще ужас. А вот просто: она — актриса, я — актер, ее работа — моя работа, она подкажет мне — я ей...

— Дома вечером на кухне — о чем разговоры? О театре?

— Нет, почему? Мы любим вечером собраться всей семьей на кухне. И лидер этих наших вечерних бесед у нас, безусловно, дочка. Даша. В 19 лет столько всего нового и интересного. У нее день проходит куда более увлекательно, чем у меня.

— Небось на актерском учится?

— Нет, в МГИМО, на факультете междуна-

О НЕДОЛЮБЛЕННОМ

Кадр из фильма “Романс о влюбленных”.

Вся семья в сборе. С женой и дочкой.

родного права. Да, серьезный факультет. И, знаете, я рад тому обстоятельству, что она то яблоко, которое от яблоньки откатилось. Не стала артисткой.

— А хотела?

— Нет.

— Как это? Мама и папа актеры — и куда деваться?

— Еще и тетка — моя сестра. Оказалось, есть куда деваться. Даша и живописью занималась, и музыкальную школу закончила по классу фортепьяно, потом я отправил ее учить английский язык. И вот это третье оказалось точным попаданием. Ей нравится. Сейчас уже, слава богу, третий язык изучает — немецкий.

— С такой любовью о ней рассказываете. Мне кажется, вы ее балуете?

— Ну а как же. Как не побаловать?

— Даша ведь поздний ребенок? Вам в следующем году исполнится 60, ей, как говорите, 19.

— И это замечательно. Сейчас скажу почему. Во-первых, она желанный ребенок. А это сказывается на психике, на настроении ребенка. Это раз. А потом я массу книжек всяких интересных на тему воспитания детей прочитал. То есть очень серьезно к этому отнесся.

— Поздние дети, говорят, вырастают эгоистами.

— А я слышал наоборот — что поздние дети очень способные и талантливые.

— Разве одно мешает другому?

— Ой, стать эгоистом так легко. Я думаю, дело не в этом. Вообще, эгоизм в разумных пропорциях, он даже и неплох. Особо не надо позволять, чтобы тебе лезли в душу.

— Как думаете, у нее от вас много секретов?

— Есть наверняка.

— Даже знаете какие?

— Нет, я гадаю какие? о тематике этих секретов. Я знаю, у нее есть дневник. И хотя он является где попало, я категорически никогда его не открываю. Это табу. Это ее. А как же иначе?

— Даша ведь не замужем?

— Нет.

— Но пройдет года два-три, а может, и немного больше, и рядом с вашей любимой-цей появится молодой человек. Какой-то чужой и странный. Как к нему отнесетесь?

— Надеюсь, что по возможности спокойно. Конечно, будут какие-то конфликты. Но, думаю, Господь оставит мне мудрости понять: что хо-

Евгений Киндинов:
“Больше всего жалею о своей всеядности”

МХАТа, недостойн, таким не место...” Потом уже сама журналистка мне призналась: кто, через кого и как заказал эту статью.

— Как вы разобрались с этим человеком?

— Никак.

— Просто перестали с ним разговаривать?

— Естественно. Перестал его замечать. А что еще? Лезть в драку?

— А это не про вас? Не станете обидчику бить морду?

— Нет. Не суди, да не судим будешь. Хотя мне тогда на год звание задержали. Мол, выгнать мы не выгоним, но задержим ему очередное звание. Чтобы другим неповадно было.

— Сейчас во МХАТе вам есть на кого положить?

— Да есть, конечно.

— Рискнете кого-то назвать?

— Нет, я не чувствую себя здесь одиноким. В театре бывают друзья. Правда, уж очень редко. Слишком эгоистична наша профессия.

— Сами-то, наверное, тоже не без греха?

— Чтобы сознательно — нет, никого не подставлял. Ненароком — наверное. По глупости... В кинематографе, вы знаете, существует система проб. Вот здесь был случай, если хотите, могу рассказать. Фильм “Городской романс” Петра Тодоровского. Я пробуюсь-пробуюсь и вроде чувствую, что дело идет на лад. Но в последний момент мой телефон замолкает. А потом я узнаю, что уже начались съемки, и моего героя играет Виталий Соломин. Ну что делать? Погрустил, подумал, сценарий мне очень понравился. А через некоторое время вдруг звонит мне Петр Ефимович, сам. И говорит: “Женя, я хотел бы вернуться к нашему общению”. — “Как? — удивился я. — Вы ведь уже начали снимать другого актера!” Вот, наверное, мое согласие... Я не позвонил Виталию и не стал выяснять, почему его отстранили от роли, — просто согласился. Наверное, той мой поступок можно считать непорочным.

■ ■ ■

— “Киндинов — один из самых нереализованных актеров”. Обидно слышать про себя такое?

— Честно вам скажу, особых слез мною пролито не было. Не потому, что я такой мужественный, просто у меня всегда был обеспеченный тыл — театр. Помню свои беседы с Владимиром Ивашовым в начале 90-х. Он страшно переживал, что его не снимают в кино. Сейчас-то мы знаем, что в конце концов Ивашов пошел работать на стройку. А тогда я ему говорил: “Володь, давай попробуем, я поговорю с Ефремовым, приходи к нам”. Ясно же: артисту без актерской работы, как бы она ни называлась — театр, кино, телевидение, — тяжело.

— Знаю, и вам в какой-то момент пришлось заниматься не своим делом — частным извозом.

— Извоз? Ну это же не профессия — просто зарабатывание денег. Был на мели. И что делать? У меня ведь жена, дочка маленькая. А театральная зарплата не очень высокая. Была и есть.

— И этого факта своей биографии вы не стесняетесь?

— А чего стесняться? Стесняться надо гадостей, которые ты делаешь по отношению к другим. А стесняться, например, того, что мой отец работал дворником... Наша семья, 5 человек, жила в одной комнате коммуналки, и, когда мой старший брат женился и ему нужно было найти жилплощадь, отец устроился дворником, за что потом получил отдельную комнату. И этого стесняться? Да упаси бог.

— Разве популярность не меняет человека?

— Я не могу посмотреть на себя со стороны, но надеюсь и моллю Бога, что нет. Что, уходя со сцены, я выхожу из образа. Что не несу на себе рваный плащ престарелого Гамлета.

— Гайдай, по-моему, так определял степень популярности актера: узнают тебя на улицах — значит, ты популярен. Вас узнают сейчас на улицах?

— Молодые — нет, а люди постарше — да.

— Ну а как вас узнаешь? Носите усы.

— Да-да-да. Какая-то усасть у меня была роль, и чтобы не клеить каждый раз... А я вам так скажу: может, и хорошо, что не узнают. Не надо зрителя перекармливать собой. И есть, знаете, еще такое обиходное выражение: “во время уйти со сцены”. Нет, со сцены я не ушел. Но не нужно зрителю надоедать. Имею в виду некие технологические актерские секреты. То есть не нужно даже в трагической роли показывать потолок своего темперамента. Нужно всегда зрителю чуть-чуть недодавать. Чтобы он за тебя фантазировал твой потолок. Я понятно говорю? Чтобы подумали: “А вот если бы этот артист во всю бы глотнул!”

— Извините, звучит как оправдание.

— Это не оправдание, это техника актерской игры... Нет, ну конечно, я недиграл. Конечно, я мог бы. Но вот Кончаловский сказал в свое время, что роль, которую сыграл Киндинов в “Романсе о влюбленных”, по своему масштабу роль трагическая. Не про всякую роль в современном кино, тем более не в классике, и не про всякого исполнителя режиссер может сказать такие слова. И я был на уровне. И вот, конечно, эту способность к ролям некоего штучного темперамента я до конца не использовал.

— Но режиссеры еще не забыли актера Евгения Киндинова?

— У меня немного предложений — так, небольшие роли. На какое-то откровенное фуфло я не соглашаюсь. Хотите услышать, чем я сейчас занимаюсь? Я вам скажу. У меня был курс ВГИКе. Очень хорошие ребята, они просто меня радуют. Сейчас в школе-студии МХАТ преподаю. В “Табакерке” играю. Антреприза есть...

— То есть в принципе дел хватает. А как же кино?

— А что кино? Спасибо за это кино.

— Спасибо и до свидания? А, извините, деньги?

— Я бы так сказал: ощущение себя бедным или богатым — это не состояние кошелька, это состояние души. Конечно, на что-то не хватает. Но чтобы Дашку в Англию отправить, а она там месяц изучала язык, — хватило. И самому поехать куда-нибудь на Мертвое море или, скажем, в Хорватию.

— Значит, никакой трагедии нет?

— Ну а что сожалеть? Просто время другое. Разве можно жаловаться на погоду? Было солнечно, а сейчас вдруг зарядил дождь. И что?.. Во Владивостоке прямо на улице ко мне подошел мужик. И просто слезы на глазах. Не пьяный. Слово за слово, выяснилось: бывший десантник. “Да мы ваш фильм... до дыр. Да я черным берет! Спасибо тебе!” И вот это для меня... Когда взрослый мужик, бывший десантник — косяк важен в плечах, пальцем убабит, — и вот этот человек такие слова говорит. Да можно жить и только Господа благодарить. А вся эта суетня... Никого не хочу обидеть, но... рюмку хорошего виски я и сам могу себе позволить.

— Последний вопрос. Вы стали таким умным или таким старым?

— Скажу “старым” — будет неправда. Не чувствую я себя таким. Можно состариться и в 30 лет, и даже в 20. И у молодого человека может быть тухлый глаз. Когда ему кажется, что он все уже в своей жизни прошел, перепробовал. А у меня, надеюсь, глаза еще горят. Так что выводы делайте сами.

Дмитрий МЕЛЬМАН.